

НЕТИПИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дарья Глухова играет Моцарта, Гуммеля и Мендельсона

...По-видимому, сработал рефлекс старого волка музыкальной журналистики: готовиться к рецензии заранее, до посещения концерта. Скорее всего, нормальный музыкант, получив в руки CD, первым делом поместил бы его в дисковод и нажал кнопку «воспроизвести»; всё остальное – потом. Да и то – если захочется. Я начал с «остального»: поразмышлять, собрать информацию.

Состав произведений, записанных на диске, отнюдь не тривиален, а их последовательность образует продуманное, стройное целое. Похоже именно на программу концерта (точнее, большого отделения длительностью почти час), на тот тип их построения, который отличает артистов с выраженными просветительскими устремлениями и интеллектом. Отваги от них требуется куда больше, чем от тех, кто предпочитает поставить в афишу «только Шопена» или «Патетическую» с «Аппассионатой»: вторым почти гарантированы бурные аплодисменты, первые рискуют удалиться за кулисы под стук собственных каблучков.

В программе Глуховой ощутимы мысль и форма. Из Моцарта выбраны «хиты», которые играют «все», но рядом – Гуммель, которого играют крайне редко. Он – из «композиторов второго ряда», коих затмила громкая слава гениев. Тело мировой музыка состоит не из одних лишь хрестоматийных шедевров. Думать так значит сильно обеднять себя. В последнее время интерес к таким фигурам как Сальери, Михаэль Гайдн, Клементи, Керубини, Фильд стремительно растет, расширяя нашу художественную Ойкумену. Выясняется, что в густой тени, упавшей на них от монументов Великих Богов, таится много по-настоящему интересного, эстетически полноценного. Сказанное в полной мере относится и к незаигранным произведениям композиторов самого что ни на есть первого ряда. К примеру, не все догадываются, что у Бетховена, помимо двух названных сонат, есть еще тридцать. Из громадного наследия Мендельсона Глухова остановила свой выбор на малоизвестном Анданте с вариациями.

На диске всё взаимосвязано, произведения словно протягивают другу друг руки. Два опуса Моцарта окружены двумя гуммелевскими, в завершение – Мендельсон. Музыкант, который не пропускал занятия по истории музыки, сразу поймет, что слушателя зовут в классико-романтический мир, точнее, в ту эпоху и тот стиль, что являют собой грань классицизма и романтизма. (Меломан, которому до истории музыки нет дела, просто почувствует эту стилевую ауру). Зовут, давая понять, что грань эта тонкая, не абсолютная, что классицизм не сменился резко романтизмом, а *стал им*, где – постепенно, а где рывком. Музыкант невольно вспомнит, что Гуммель – ученик Моцарта (а также Гайдна, Сальери и Бетховена) и учитель Мендельсона (и друг Шуберта). Что Мендельсон – один из самых классичных романтиков, «Моцарт романтического века». Кроме того, одно из сочинений – фантазия Гуммеля на тему Моцарта; Моцарт и Гуммель – каждый – представлен сонатой и фантазией, причем обе сонаты – в тональности «фа».

Словом, программа – плод ума и воображения. Пусть меня осудят за поспешность суждений, но симпатией к творчеству Глуховой я проникся до того, как стал слушать ее игру. Возникло, правда, некоторое противоречие между этими предварительными умозаключениями и фотопортретом пианистки на обложке диска: больно молода для такого зрелого подхода к построению программы. Мало того, еще и хороша собой. Не придумал ли я всю эту архитектонику, может, девушка об этом и не думала вовсе, случайно получилось? Хотя в такие случайности не верю. На левом предплечье татуировка, это сегодня в порядке вещей. Но чтобы там красовалось имя Гуммеля и даты его жизни!

Верный тому же журналистскому инстинкту узнать предварительно всё, что можно, прогулялся по интернету, куда же сегодня без него... Диск выставлен на продажу на зарубежных сайтах. Несколько отзывов, принадлежащих как профессиональным критикам (из разных стран), так и посетителям форумов, отзывы сплошь положительные. Многие из ее репертуара выложено в аудио- и видеозаписях – слушайте, смотрите, высказывайтесь. Набрел на официальный сайт Дарьи Глуховой. И впрямь молода, хотя год рождения уже скрывает, играя во взрослую даму. Биография по вышеизложенным причинам короткая, но обращающая на себя внимание. Слишком непохожа на обычный путь музыканта к овладению ремеслом. Окончила с отличием училище при Московской консерватории – казалось бы, прямая дорога в нее же. Однако завершает образование в Лондоне. Ни одного участия в конкурсах. Чтобы там ни говорили о конкурсомании, о превращении искусства в спорт, все-таки лауреатское звание – верный путь к известности, к тому, чтобы на тебя обратили внимание импресарио. Совершенно очевидно, что ищет *свою* стезю. Строка из песни, которая в два раза старше Глуховой, – «не созданы мы для легких путей», – наверняка про неё.

На сцене с детских лет. Выступает в Подмоскovie, но побывала и за границей.

На сайте небольшая фотогалерея. Есть, что посмотреть. Но вот еще одна странность. Из почти полтора десятков снимков – улыбается только на одном, и еще на одном – улыбка Джоконды. В основном, взгляд пристальный, испытующий. Ни капли кокетливости, при этом – сдержанная чувственность. Знает себе цену. Серьезна. Угадывается характер... Татуировок, оказывается, две: на правом плече увековечено имя и годы жизни Шумана.

Когда я, включил, наконец, проигрыватель, слушание музыки было уже *продолжением* знакомства с пианисткой. А это всегда – либо подтверждение более ранних впечатлений, либо их углубление, либо опровержение.

Всё подтвердилось! Самостоятельность, осмысленность и прочувствованность каждого элемента музыки. Никакого скольжения по инерции, когда произведение ведет за собой исполнителя – напротив, произведение везде подчиняется воле артистки, и подчиняется без насилия над собой, ибо воля эта соединена с любовью и уважением, естественностью и вкусом, тактом и чувством меры. Все это, вместе взятое, приобретается годами воспитания и самовоспитания, но Глухова уже обладает им сполна. И везде – свобода!

Когда-то Генрих Нейгауз иронизировал по поводу исполнительской манеры, когда музыкант усиленно старается показать, что композитор старый, и он, бедный, впрямь умирает на глазах огорченного слушателя. Рецепт, как вдохнуть в музыку жизнь, стар и общеизвестен, но выполнить его не так просто, как «выписать». Живая музыкальная ткань – ткань дышащая, пульсирующая полноценным кровообращением, с тонкими и адекватными реакциями на раздражители, с хорошим мышечным тонусом. Со способностью чередовать напряжение и расслабление, не допуская, однако, полной расслабленности (которая и есть не-жизнь): вокалисты говорят об «опертом» звуке даже на самых малых значениях *piano*.

Молодые пианисты часто грешат двумя крайностями: или «пение на рояле», или «бравура». Лишь со временем, как и многое другое, приходит желание и способность «говорить на рояле», или, если опять-таки обратиться к аналогии с вокалом, использовать богатейшие возможности декламационности, *произнесения* текста.

Это умение ощутимо уже первой теме Сонаты Гуммеля: предвосхищающая некоторые безыскусные «Песни без слов» Мендельсона, у Глуховой она, благодаря слегка замедленному темпу, обретает значительность. Та же декламационность сближает вторую часть этой сонаты с поздним Бетховеном. Рука об руку со способностью «говорить» идет владение *rubato*, умение «держаться паузу», не утрачивая, а, напротив, усиливая внимание слушателя. Пианистка слегка задерживает самый первый звук моцартовской фантазии – повелительный, властный,

словно взятый тромбонами, – и вся тема воспринимается как вытекающая из него, но как будто с усилием, преодолевая сопротивление.

Rubato «держит» не только фразу, но и форму. Тонкие темповые и динамические отклонения в репризе той же фантазии обеспечивают непрерывность развития и единство целого. Воедино сплавиваются эпизоды, контрасты между которыми исполнительница подчеркивает не только степень громкости и скоростью движения, не только заостряя стыки формы, но и различиями в самом качестве звука. Диапазон настроений – широчайший, от беззаботности до глубокого «реквиемного» трагизма и поистине бетховенской мощи. В этом ей помогает великолепный инструмент, отлично отрегулированный, и мастерски осуществленная запись.

Попутно вспомнились обнародованные на сайте отзывы англоязычных критиков: «предпочитает быстрый темп и легкую быструю игру», «живость и кажущаяся беззаботность экспрессии в игре Глуховой отражают её юный возраст». Простите, коллеги, но всё ровно наоборот. Она, безусловно, умеет играть быстро и легко – еще бы не умела! Но никаких предпочтений близко нет: только там, где этого требует музыка. Я бы подчеркнул другое: она владеет тайнами медленного темпа, постигла законы темповой драматургии, а это дается обычно лишь зрелым интеллектуалам. О ее юном возрасте игра ничего не сообщает!

Вслушайтесь, как в первой части Сонаты Моцарта она чередует аккуратные классицистские кадансы и мощные аккордовые синкопы, как слегка наращивает темп к концу экспозиции, чтобы при ее повторном проведении вернуться к *Tempo I*, как возвращаются *домой*. Вслушайтесь, с каким элегантным промедлением «забрасываются» во второй части восходящие форшлаговые октавы, сколь захватывающи перепады темпа и громкости перед кодой финала!

Для того чтобы популяризировать музыку «малых мастеров» и незаигранные произведения великих, надо исполнять их так, чтобы у слушателя даже мысли не возникло, зачем, дескать, это играть. Глуховой это вполне удастся. Не отличающиеся особой глубиной Вариации Гуммеля и не самое лучшее сочинение Мендельсона «Анданте с вариациями» предстают перед аудиторией в наиболее выгодном свете. Порой кажется, что она играет лучше, чем написано в нотах.

Откуда у молодой артистки такая зрелая исполнительская манера? Было бы объяснимо (и простиительно!), если бы она старалась казаться оригинальной во что бы то ни стало, поражая или депрессивной ложной глубокомысленностью, или «блеском и треском». У меня единственная версия ответа, не блещущая новизной: талант, школа, работа.

Играет так, будто многое поняла не только о пианизме, и даже не только о музыке, но – о жизни, о Человеке.

2011 г.

http://www.gloukhova.ru/mozart_hummel_mendelssohn
(официальный сайт Д. Глуховой)